

РАЗДЕЛ III. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

ББК 72.4 (2 Рос. Баш)
УДК 001 (092) (470.57)

М. Х. Надергулов,
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального
исследовательского центра РАН
nadergul@mail.ru

ВОСПОМИНАНИЯ БАШКИРСКОГО КАЗАКА

В статье вкратце раскрывается содержание и приводится сокращенный перевод на русский язык текста арабографичной рукописи башкирского казака, участника военного похода в Польшу в 1830–1835 годах Усмана сына Ишмухамета, написанного в середине XIX века.

Ключевые слова: рукописный памятник XIX века, воспоминания о подавлении восстания польских конфедератов

Одним из условий вхождения Башкирии в состав Российского государства было несение башкирами воинской службы. Она выступала залогом сохранения их вотчинного права на свои земли. Основной задачей военной службы башкир была охрана юго-восточной границы России. В то же время башкирские полки в составе русских войск систематически участвовали в различных войнах и военных походах. К примеру, в 1612 году в составе ополчения К. Минина и Д. М. Пожарского освобождали Москву, были в Крымском (1675 г.) и Азовских (1695, 1696 гг.) походах, дважды (в 1701–1705 и 1709–1710 гг.) участвовали в т.н. Северной и (начиная с 1756 г.) Семилетней войнах. В 1771–1773 годах 3100 башкир во главе старшины Кулужа Балтачева были командированы в Польский корпус А.И.Бибикова для борьбы с Барской конфедерацией. 4 пятисотенных башкирских полка находились в Финдлянской армии во время русско-шведской войны 1788–1790 годов. В начале XIX века башкиры участвовали в наполеоновских войнах, 10 тысяч человек было направлено в Пруссию в 1807 году. В Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813–1814 годов участвовали 20 башкирских полков [1, 101–102].

Многие из этих событий нашли отражение в народных песнях, легендах и преданиях, а некоторые зафиксированы в письменных памятниках. В этом плане большой интерес представляет арабографичная рукопись, хранящаяся ныне в Фонде рукописей и старопечатных книг Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН [2].

Эту рукописную книгу в январе 2003 года заведующий отделом этнографии института Ринат Мухаметович Юсупов (1951–2011) передал автору этих строк. Она до этого хранилась в личном фонде бывшего заведующего этим же отделом известного ученого-этнографа Наиля Валиевича Бикбулатова (1931–1996).

Книга состоит из 24 рукописных листов, скрепленных между собой толстой черной ниткой. На ее картонном переплете от руки порусски написаны следующие слова: «Приобретено историко-этнографической экспедицией филиала от гр-на дер. Елимбетово Стерлитамакского района Исламгулова Лутфуллы. 15/IX–52 г.».

По современному административно-территориальному делению деревня Елимбетово входит в состав Стерлибашевского района Башкортостана. Значит, 15 сентября 1952 года житель этой деревни Лутфулла Исламгулов передал хранившуюся у него данную рукописную книгу членам историко-этнографической экспедиции Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР.

Из листочка бумаги, приклеенной к внутренней стороне обложки, видно, что кто-то пытался транслитировать из арабской на современную башкирскую графику начальные строки первого листа данной рукописной книги. Однако некоторые слова им прочитаны неверно, а некоторые заменены многоточием. Таким образом, письменный памятник оставался неизученным в течение более чем полувека.

Общее ознакомление показало, что рукопись является весьма ценным историко-литературным источником. Она написана в конце 60-х годов XIX столетия башкиром из юрматинского рода, зауряд-хорунжием Усманом сыном Ишмухамета.

Вначале автор сообщает о том, что он родился в 1809 году и живет в деревне Шакар Юрматинской волости Стерлитамакского уезда. Здесь же приводит довольно интересные сведения из жизни и быта башкирского народа в начале XIX века. В остальной части рукописной книги он последовательно и подробно описывает все то, что видел и пережил в своей полной тяготах и драматизмом жизни.

Оказывается, детские и юношеские годы Усмана сына Ишмухамета прошли в деревне Алимгуза, которая ныне

не сохранилась. В 1820 году внезапно умер отец, и жизнь их семьи стала невыносимо тяжелой. Несмотря на это, Усман отправился на учебу и 4 года проучился в Четырмановском медресе. У него было огромное желание продолжить учебу, однако из-за нехватки денег вынужден был до 1829 года батрачить у местных богачей. В 1830 году он вместо своего недавно женившегося брата Абубакира добровольцем (в тексте документа – «желающим») в составе башкирского казачьего полка идет на так называемую «молдавскую службу». Башкирские казаки, присоединившись к оренбургским казакам, отправляются на западные окраины Российской империи и спустя 4 месяца прибывают в Одессу, затем в Тирасполь. Некоторое время ведут охранную службу в Херсонской губернии, чтобы не допустить распространения тифа, затем их отправляют в Польшу для подавления восстания польских конфедератов. После усмирения поляков они служат на западных границах империи вдоль рек Днестр, Дунай и Прут. Домой возвращаются лишь в феврале 1835 года, когда вместо них прибывают и вступают на службу другие башкирские полки.

После возвращения с военной службы Усман женится и начинает семейную жизнь. Однако спокойно жить ему не дают: в 1839, 1841 и 1845 годах он проходит «линейную» службу в юго-восточных границах России. В 1846 году после смерти жены он снова женится, с 1849 по 1866 год в разных селениях работает писарем, помощником старшины и юртовой старшиной.

В конце рукописи автор, опираясь на какие-то письменные источники, перечисляет некоторые исторически события, происходившие в 1837–1867 годах. Называет также имена российских царей и башкирских кантонных начальников.

Весьма вероятно, что Усман сын Ишмухамета вел дневниковые записи еще с юношеских лет. К этому выводу приводит тот факт, что текст рукописи изобилует конкретными датами и именами. Свои записи, видимо, он переписал в виде данной рукописи в 1867–1868 годах, ибо последними датами указаны именно эти годы.

Рукопись Усмана сына Ишмухамета может служить ценным источником для историков, этнографов, языковедов, литературоведов и всех тех, кто интересуется историей Башкирии и башкирского народа. Она написана богатым, сочным языком и хранит в себе весьма важные сведения об одежде, пище башкир в начале XIX века, данные о башкирских казачьих войсках и военном походе 1830–1835 годов.

Ниже приводим перевод на русский язык той части текста рукописи, в которой описывается военная служба автора:

«...В 1830 году нашему кантонному начальнику Лукману предписали приказ о подготовке к военной службе 75-и здоровых парней с лучшими лошадьми-скакунами, которых должны были обеспечить всеми необходимыми девятнадцать душ из каждой команды. На эту службу был назначен и мой брат Абубакир. Он должен был отправиться в синем чекмене, в синих брюках, в белой шапке, имея при себе седло с суконной подкладкой, ружье, саблю и пику. В других местах народ обеспечивался и конем. Однако у нас из-за бедности коня не смогли дать. Пришлось взять голубого скакуна Узяная-ага, взамен предоставив ему трех кобыл.

До назначения на службу мой покойный брат Абубакир был женат. Для того, чтобы не отправлять его, «желающим» отправился я. Сказал ему: «Чем плакать четырьмя глазами, ты оплачешь только двумя!». Это решение поддержали и родственники.

В том году Алимгужа-агай написал рапорт об отставке. Исполняя его старшинскую должность, Алтынбай-агай сам занимался отправкой «молдавских» казаков. 5 мая 1830 года отправились в Оренбург. По пути остановились в долине реки Билли Кылыч возле Уршака. В течение 15 дней нашей подготовкой занимался кантонный начальник Лукман Ибрагимов, затем он передал нас в распоряжение полкового командира Негашова. Вышли в поход 20 мая. За каждым из двух человек были закреплены 3 коня.

На месте сбора в деревне Мурадым¹ супруги женатых казаков решили отстать от команды. Но долго не могли разлучиться, плакали.

Затем через крепость Бузудук прибыли в Самару. В те времена Самара не была губернским городом, была лишь уездным. Стояли в Самаре десять дней. Там к нашему полку присоединились Оренбургские конные казаки, и назвалось наше подразделение «одиннадцатым полком». Затем отправились в направлении города Одессы. Через Сызрань и Кузнецк прибыли в Пензенскую губернию. Оттуда попали в Харьковскую губернию, затем – в Воронежскую и Полтавскую губернии. Там нас смешали с русскими воинами. Начальниками сотен были лишь русские. Говорили, якобы башкирские чиновники не знают порядка. В пятисотенном полку на каждую сотню были назначены три офицера, т. е. чиновника, четыре урядника, а в сотне было по сто десять казаков. Русские чиновники ежедневно поочередно командовали полками. Башкирские же чиновники каждую ночь пасли коней.

¹ Мурадым – предположительно речь идет о деревне Мурадымово, которая ныне входит в состав Кугарчинского района Республики Башкортостан.

В походном строю вначале ехали четыре русских казака, затем во втором ряду – четыре бакирских казака, в третьем ряду – опять четыре русских казака и так далее. Садилась и спрыгивали с коней только по команде. За четыре месяца езды наши кони сильно устали, у многих кони умерли, и казаки вынуждены были идти пешком.

В первые дни октября доехали до города Одесса. Встретились с графом Воронцовым¹ и по его приказу стали служить в городе Тирасполь. Началась настоящая армейская служба. Было приказано продать также лишнюю одежду, выкидывать пух из подушек и вместо него засовывать туда одежду. Служба была очень тяжелая. Приказали вместо домашней надеть русскую одежду. Белые наши шапки, которые надевали у себя на родине, износились. Надев на головы картузы, мы стали похожи на русских, т. е. на конных казаков.

Прослужив там один месяц, мы были отправлены в Херсонскую губернию. Мы должны были стоять в карантине, т. е. препятствовать распространению холеры, построили шатер площадью в двести сажень² и стояли в карауле, должны были никого не выпускать и не впускать на территорию губернии. В течение двух месяцев охраняли по вечерам и в дневное время. Ежедневно умирали двести человек. Русские кладбища были в трех местах. Во время каждой утренней молитвы хоронили по пятьдесят – шестьдесят человек. Однако нашим казакам не пришлось заниматься этим (делом). Мой пост был недалеко от одного из кладбищ.

После того, как прекратилось распространение холеры в этой губернии, мы отправились на север, в сторону страны поляков. Должны были вступить в бой с ними за то, что они не повиновались нашему царю. Была зима. В течение полутора месяцев шли походом в сторону польского города Житомир. Когда осталось до города расстояние длиной в 15 дней поездки, триста человек включили в состав 9-го, 8-го полков Оренбургского округа и отправили в сторону города Варшава. Полковой командир Негашов с двумя сотнями сытых и хорошо одетых людей с конями остался в Житомирской губернии. Там же мы и перезимовали.

В первых числах марта польский народ начал воевать. Услышали мы о том, что хозяева поубивали два батальона солдат в их квартирах. Нам было приказано, как казакам, так и солдатам из любого полка, не ночевать в квартирах, а собираться вечерами

¹ *Воронцов* – М. С. Воронцов, князь, в 1828–1844 годах был новороссийским и бессарабским генерал-губернатором.

² *Сажень* – устар.: равна 2,134 метру.

в одном месте и там же ночевать. Полякам было запрещено (в оригинале – отказано) иметь ружья, сабли и пики.

Как-то весной, в начале апреля начали обходить и обыскивать безработных в округе. И тех, у кого находили оружие, стали отдавать в под суд. Такими людьми были заполнены баструки и казенные дома, позднее даже их стали запирают в конюшни евреев.

После этого мы слышали весть о том, что в 15-х числах мая поляки, собравшись в несколько команд, ограбили на большой дороге едущую в Житомир почту, отобрали деньги и убили почтальонов. В 20-х же числах мая и до нас дошла весть о том, что польская армия взяла штурмом город Абросов, вооружила и взяла в свои ряды семьсот рекрутов, в этом же городе удерживались направлявшиеся в Варшаву около пятисот обозов с провиантом. Затем полторы тысячи солдат-пехотинцев, из нашего полка двести казаков, а также представители из других полков – в целом более трех тысяч воинов – были отправлены на штурм этого города.

После того, как мы прошли одну станцию, навстречу нам выехала польская почта на тройке, где сидели три человека. Увидев их, наш полковой командир Негашов скомандовал: «Отстанись, дорогу давай!». И мы пропустили их, отстранившись на две стороны. Те внезапно пальнули из палетки в сторону полкового командира. Командир приказал догнать и взять в плен эту тройку. Несколько казаков поскакали за ними, однако вернулись ни с чем.

После этого, миновав еще одну станцию, мы дошли до деревни и встретили пикеты польской армии. Разогнали их пиками с алыми лентами, некоторых из них взяли в плен, а некоторых убили. После чего служба стала очень строгой. Каждый казак и солдат не должен был дремать, ночевать на польской территории только в сосновом лесу, подложив под себя саблю, ружье и подсумку. Утром снова были на ногах, в походном строю. Выступавших против нас войска противника уничтожали, часть их спаслась бегством в лес. Нас никак не могли одолеть.

И днем, и ночью осторожничали, около десяти дней вовсе не могли спать. Офицеры и сам полковой командир обходили дозоры и ударяли плетками спавших людей. Если бы они утром сказали: «Этим вечером вам спокойно можно будет спать», – мы так остались бы довольными! До чего мы нуждались во сне!

27-го дня мая-месяца, не дойдя до города Абросов шесть километров, мы столкнулись с польской армией, которая, заранее заняв нашу дорогу, стала теснить нас. Стреляя из ружей, после полудня поляки заставили нас отступить на километр,

а после заката солнца перешли в наступление. Ночь просидели мы в поле спелой ржи. Ружейные ядра падали на нас как капли моросящего дождя. Тем не менее в тот день никто из нас не пострадал.

До истечения одной трети ночи кормили своих коней. В пикете на стороне расположения нашей армии стояли мы трое – один конный казак и два башкирских казака.

В середине ночи от командующего поступил приказ собраться в поход. Мы тронулись с большой осторожностью, не гремя ружьями и саблями. Поскольку большак был перекрыт польской армией, оставили эту дорогу и, сделав круг в двенадцать километров, решили по-хитрому подойти к городу с другой дороги. Когда мы стояли в замешательстве, подошел урядник Ишбулды Кудакаев и сказал: «Чего вы стоите? Армия ведь двинулась!». Пройдя с ним несколько километров, присоединились к армии и очень обрадовались этому.

Когда мы совершили круг в двенадцать километров и подошли к городу на расстоянии в полтора километра, стало светать. Польская армия узнала о нашем приближении и, выйдя за пределы города в конном и пешем порядке, открыла стрельбу. Наша армия под барабанным боем два-три раза пальнула из пушек и, построившись так, что солдаты были посередине, а казаки – с двух сторон, мы, мусульмане, со словами «Аллах велик!», пошли в наступление.

В этот день мы потеряли надежду остаться в живых. Думали, что вот-вот погибнем. Польская армия в пять раз превосходила нас в численности. Командовал нами один гусарский офицер. «Матри, ребята, не бежи, не бежай!» – говорил он (это значит, «не убегайте»); «Дорожи, не стреляй!» – говорил (т. е. «все залпом не стреляйте»); «Заряжай!» – говорил (т. е. «ружья заряжайте»).

Мы, надеясь на Аллаха, распрощавшись с жизнью, со слезами на глазах и с криком «ура» пошли вперед. Офицеры, вытащив сабли из ножен, ударяли тыльной стороной сабли и кричали: «Вперед, да вперед!». «Кто отступит на десять сажень, будет расстрелян из ружья, а кто – на двадцать сажень, будет расстрелян из пушки!» – говорили они. Их слова «вперед, да вперед» означали «идите вперед, идите вперед, не отступайте».

Полки стреляли в сторону тех, которые шли по два-три человека. Их ядра попадали и по коням, и по нам самим. В конце концов с божьей помощью мы победили поляков и заставали их бежать с поля боя. Многих из них уничтожили. Присоединившиеся к ним рекруты и некоторые из шляхты побросали оружия и, «давая пардон», стали перебегать на сторону нашей армии. Мы, подавив их, в обеденное время ворвались

в город. За пределами города люди, называемые «меленек», лежали без рук и ног словно отары овец, утопая в крови...

29 мая взяли город Абросов, и там воцарилось правление нашего шаха Николая Павловича. Заново назначили градоначальника, завоевали также другие города и селения. После этого в первые дни августа состоялось подписание мирного договора.

Этот год мы перезимовали в городе Абросове. В начале мая 1832 года совершили поход в направлении прусской границы. В течение полутора месяцев. В то время граница была в три линии. Первая – по реке Днестр, 2-ая – по реке Прут, третья – по реке Дунай. Наш 11-й полк в конце июня сменил 9-й пост по реке Прут.

В ходе похода на прусскую границу старший урядник Черняев назначил меня ефрейтором последнего отделения и дал мне в руки список людей в количестве 25-и человек. Внизу этих имен я написал (имена) по нашему татарскому письму и, сравнивая их, начал понимать некоторые русские слова и то, что (уже) знал, переписал по-русски. Полковой командир записал всех, кто знает русское письмо, и на границе назначил их приказными по каждому кордону. Я был приказным на Нижнем Эрзацком, командуя четырьмя русскими и тремя башкирскими казаками.

На 33-й год стоящие ниже нас (по реке) донские казаки отправились на турецкую войну. По причине того, что из башкирских полков, стоящих по дунайской границе, были перебежчики в заграничу, нас не отправили на турецкую войну, а оставили на месте донских полков.

Я попал в почтовый кордон под названием Таюб Эзкирди, расположенный ниже того места, где раньше мы стояли. В то время приказным, который принимал и отправлял почтовые бумаги, был (казак) по фамилии Тибликов. Он заболел какой-то болезнью и был отправлен в госпиталь города Кишинев. Вместо него я был назначен почтмейстером и занялся отправкой почты.

В 1834 году снова стал командиром пятнадцати казаков, т.е. восьми русских и семи башкирских казаков.

В конце августа 1834 года с родины прибыла нам смена, из них половина были уральские, половина – башкирские (казаки). И они остались на границе. Мы же с приподнятым настроением отправились на родину. В походе находились в течение сентября, октября, ноября, декабря и января месяцев. В начале февраля прибыли в город Самара. Там нас встречал один полковник из Петербурга и расспрашивал о наших трудностях. Спрашивал об одежде, о том, кто еще не получил положенные материальные вознаграждения, и о других трудностях. После этого русские казаки разъехались

по своим селениям, а нас вместе с Тихоновым из Троицка (полковник) отправил до Стерлитамака.

18-го дня февраля 1835 года прибыли в Стерлитамак. Нас встречал генерал Циолковский¹ с кантонным начальником Лукманом Ибрагимовым. Состоялся наш смотр в казачьей форме. В это время проходила Стерлитамакская ярмарка. (Генералу Циолковскому понравилась форма нашей одежды, потом он начал одевать в эту же форму всех башкирских казаков (в оригинале: башкирский народ).

В то время старшиной был Губейдулла сын Биккены. Во время смотра Андрей Игнатьевич Тихонов показал меня генералу Циолковскому и в похвалу сказал: «Этот казак знает русский и татарский языки, пользуется доверием в народе, не пьет. (Он) достоин награждения орденом». Генерал спросил меня: «Откуда ты родом?». По молодости я внятно ответить не смог. Во время моего ухода в армию такого (волостного) деления селений не было.

20 февраля 1835 года возвратились на родину. Мы были в казачьей форме, т.е. в мундире, брюках с красными лампасами и кибуром на голове, сидели на конях в седле с суконной подкладкой, которая была синего цвета с красной кармазиновой лентой по краям...» [2].

Литература

1. Башкиры / Отв. ред. Р. Г. Кузеев, Е. С. Данилко. – М.: Наука, 2016. – 664 с.
2. Фонд рукописей и старопечатных книг ИИЯЛ УФИЦ РАН. Шифр: 1а – 185.

MEMOIRS OF BASHKIR KAZAK

M. Kh. Nadergulov

Abstract

The article briefly expands content and provides an abridged translation in Russian of the text of the arabografichnoj manuscripts of the Bashkir , Ousmane, Ishmuhameta's son, who took part in a military campaign in Poland in 1830–1835, written in the mid-19th century.

Key words: monument of the XIX century manuscript, memoirs about quelling the rebellion of Polish confederates

¹ Циолковский – С. Т. Циолковский, генерал-майор (1788–1842), командующий Башкирским войском.